

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование в России новой институциональной среды потребовало от всего населения страны изменения ранее привычных моделей социально-экономического поведения, т.е. адаптации к новым условиям жизнедеятельности. В отсутствие социальной политики, адекватной задачам, поставленным кризисным протеканием трансформационных процессов, для успешной адаптации потребовалась мобилизация всех имеющихся индивидуальных ресурсов. Одним из ключевых адаптационных ресурсов является уровень образования. Наши исследования показали, что лучших материальных и статусных позиций за период реформ достигли те, кто получил высшее образование. Именно это обстоятельство послужило фактором смены приоритетов потребителей образовательных услуг. Если в начале 90-х годов высшее образование не рассматривалось как фактор, повышающий шансы на успешную адаптацию, то с середины 90-х ситуация резко изменилась: востребованность высшего образования значительно выросла. Определились следующие тенденции развития высшего образования в России:

- Высшее образование включается в число неперенных требований современного рынка труда;
- Развитие системы подготовки специалистов с высшим образованием характеризуется расширением спроса на образование, разнообразием форм его возможного получения;
- Стремительно расширяется платность высшего образования;
- Уровень государственного финансирования системы высшего образования продолжает оставаться недостаточным;
- Отмечается выраженная диверсификация целей получения высшего образования со стороны потребителей этих услуг.

В диссертационном исследовании определена структура и объем адаптационного потенциала населения. В структуру адаптационного потенциала включены следующие виды нематериальных ресурсов:

- Образовательный;

- Профессионально - квалификационный;
- Информационно – культурный;
- Ресурс социальных связей.

В качестве наиболее дефицитного ресурса явным образом выделяются социальные связи: около половины опрошенных характеризуются минимальным развитием этого ресурса, тогда как значения, превышающие 3 балла, отмечены менее чем у 10% респондентов. Средние значения развития ни одного из ресурсов не достигают 3 баллов (по пятибалльной шкале).

Почти половина респондентов не обладает ни одним развитым адаптационным ресурсом. Еще 30% опрошенных характеризуется наличием лишь одного ресурса высокой степени развития. Расширенная структура адаптационного потенциала (3-4 ресурса высокой степени развития) характерна лишь для 8% выборки. В то же время, структура адаптационного потенциала лишь каждого десятого из опрошенных исключает наличие низкоразвитых ресурсов.

Более 60% респондентов обладают средним адаптационным потенциалом. Распределение между слабой и сильной ресурсной обеспеченностью абсолютно равномерно – в каждую из групп включена пятая часть опрошенных.

Развитие адаптационного потенциала характеризуется значительной дифференциацией. Если по гендерному признаку она не столь заметна (однако интегральная оценка выявила некоторую разницу «в пользу» мужчин), то возрастные различия иллюстрируют большее развитие адаптационного потенциала среди респондентов до 40 лет. Крайне значительны как региональные различия (особенно различия между Москвой, Санкт-Петербургом и остальной Россией), так и поселенческие, при этом характеристики жителей малых городов приближены к сельским, значительно уступая тем, которые отмечены в областных центрах.

Надо отметить крайне невысокую востребованность сложившейся институциональной средой имеющихся у населения нематериальных ресурсов. Слабая адаптация более чем 80% респондентов, обладающих слабым ресурсным потенциалом, объяснима, однако то, что более трети опрошенных, владеющих

сильным потенциалом, не смогли достичь даже средних показателей адаптации, является индикатором серьезных проблем.

Явно выражена зависимость между уровнем развития адаптационного потенциала и достигнутыми адаптационными успехами. Слабое развитие ресурсного потенциала практически «отрезает» человека от материальных и статусных позиций, превышающих средние, и резко ограничивает шансы достижения их среднего уровня.

Значение образовательного ресурса проявляется не только в том, что увеличение его уровня способствует развитию других составляющих адаптационного потенциала. Отмечены значительные различия в возможностях эффективной реализации типов ресурсного потенциала, имеющих различную образовательную составляющую.

К числу факторов, ограничивающих доступ к высшему профессиональному образованию, мы отнесли: материальный, территориальный, статусный и адаптационный. Исследования показали, что респонденты, получающие или получившие высшее образование, в большинстве принадлежат к семьям с более высоким уровнем жизни. Тем не менее, вряд ли возможно говорить о наличии порога доступности высшего образования по признаку дохода, т.к. более 30% представителей низкодоходной группы получают высшее образование. Несмотря на необходимость в той или иной форме инвестировать в подготовку детей к поступлению в Вузы и упущенные заработки в случае дневной формы обучения, часть малообеспеченных семей идет на жертвы ради образования детей.

Отсутствие сбережений не является фактором, кардинально ограничивающим возможности получения высшего образования: 40% семей, имеющих в своем составе студента или недавнего выпускника, не имеют никаких сбережений. Но в то же время, 30% студентов и выпускников живут в семьях с достаточно высоким уровнем сбережений. Большинство (56%) тех, кто не получил и не получает высшее образование, концентрируются в семьях, не имеющих накоплений.

Обнаружены существенные территориальные различия возможностей получения высшего образования. Если в областных центрах шансы достичь

высокого уровня образования рассматриваются как «один к одному», то в районных центрах они уменьшаются до соотношения «один к четырем». Такие данные дают возможность выделить тип поселения в число значимых факторов, ограничивающих доступность высшего образования, и иллюстрируют проблему поселенческого неравенства возможностей накопления образовательного капитала. Окончание школы в Москве или Санкт-Петербурге существенно (почти в три раза) расширяет возможности получения высшего образования даже по сравнению с крупными городами и областными центрами. Окончание школы в селах и поселках существенно сужает возможности продолжения образования.

Большинство получивших или получающих высшее образование воспроизводят образовательные стратегии родителей. При этом наличие высшего образования у отца – более значимый стимул к получению диплома, нежели у матери. Однако невысокий образовательный уровень родителей не является непреодолимым препятствием для получения высшего образования. В качестве порогового значения следует признать среднее специальное образование: если этот уровень родителями не достигнут, возможность получения высшего образования детьми минимальна (менее 10%). Социальная самоидентификация на нижних этажах лестницы общественного положения более чем вдвое сокращает шансы получения высшего образования.

Мы определили, что средний и высокий уровень адаптации не влияют кардинально на возможность получения высшего образования, в то время как низкий (неэффективность адаптационных усилий или дезадаптация) выступает фактором, резко ограничивающим образовательные возможности.

У детей из ресурсно-обеспеченных семей присутствуют большие возможности поступления в престижные Вузы и получения профессии, обеспечивающей в будущем высокий доход и социальный статус. В то же время, нельзя сказать, что дети из ресурсно-необеспеченных семей отрезаны как от возможностей получения вузовского диплома, так и от престижного высшего образования, хотя очевидно, что реализации эффективных образовательных стратегий требует от них значительно больших усилий.

Определились три основные барьера доступности высшего образования: ограничения по уровню подготовленности респондентов; ограничения по финансовым возможностям родителей и ограничения по «связям», которые могут задействовать родители. Соответственно сформировались три основные стратегии поступления в Вузы. Первая состоит в ориентации только на знания поступающих - ее реализует лишь чуть больше трети абитуриентов (38,5%). Самая массовая стратегия (51,1%) основана на том, что родители используют деньги и / или связи, при том, что дети реально готовятся к вступительным экзаменам. Третья стратегия (10,4%) основана на том, что используются только деньги и / или связи, а об уровне подготовки вообще речь не идет. Таким образом, поведение родителей приводит к выводу о том, что ими вполне осознается неизбежность материальных и иных затрат для преодоления детьми порога высшего учебного заведения.

Основными мотивами получения высшего образования являются три: образование ради знаний; образование ради денег; образование ради престижа. Определение основных образовательных мотиваций следующая:

- Интеллектуально-прагматическая - 31,5%;
- Преимущественно интеллектуальная – 23,0%;
- Преимущественно прагматическая – 31,3%;
- «Побочная» -14,2%.

В исследовании определены основные типы образовательного поведения:

- Учащиеся и работающие – 20%;
- Учащиеся – 55,8%;
- Работающие – 6,8%;
- Не учащиеся и не работающие - 17,4%.

В Москве большее число респондентов (25%) находят возможность совмещать работу и учебу, кроме того, каждый десятый студент в столице отдает явный приоритет работе в ущерб образованию, что нетипично для провинции. Данные иллюстрируют отсутствие зависимости образовательного поведения студентов от престижности Вуза, в котором они учатся. Несколько большее влияние оказывает престижность факультета: студенты, обучающиеся

на не престижных факультетах, в большей степени склонны начинать работать до окончания Вуза. Очень значительна гендерная дифференциация типов образовательного поведения. «Мужские» типы поведения связаны с работой: вдвое большее число молодых людей совмещают учебу и трудовую деятельность, а в группе «работающих» превышение троекратно. Девушки, скорее, склонны ограничиваться учебой. В то же время, группа «не учащихся и не работающих» наполнена абсолютно равномерно. Образовательное поведение студентов в значительной степени изменяется по мере приближения к диплому. Прослеживается явная тенденция увеличения доли студентов, имеющих постоянную работу. Кроме того, растет число тех, кто работает в ущерб учебе: численность этой группы на последнем курсе превышает 10%. Близость окончания Вуза стимулирует деятельность наиболее пассивных студентов: только каждый десятый старшекурсник включен в группу «не учащихся и не работающих», тогда как среди третьекурсников численность этой группы приближена к 20%.

Выделяются три типа устойчивого социального поведения современных студентов, интегрирующие стратегии поступления в Вузы, образовательного поведения и представлений о перспективах, возможностях и ресурсах вертикальной мобильности в современных условиях.

Большинство студентов (64,1%) демонстрирует конформистскую модель поведения. Имея в качестве ресурсов одновременно и знания, и возможности родителей, они готовы реализовывать такие социальные практики, которые, будучи востребованы сложившейся институциональной средой, эффективны «здесь и сейчас». Даже считая существующие механизмы вертикальной мобильности неправильными, они склонны думать, что ничего изменить нельзя. Тем не менее, если изменится сама «институциональная матрица», они найдут возможности скорректировать и свои модели поведения.

Вторая по численности группа (29,6%) имеет интенцию к воспроизводству неформальных социальных практик. Ее представителей устраивают условия, в которых им, как они уверены, предстоит строить свою трудовую карьеру, даже в случае, если эти условия не отвечают их представлениям об абстрактно должном. От первой группы их отличает то, что при изменениях

институциональных условий, делающих возможными и эффективными модели поведения, основанные только на социальных связях, они окажутся проигравшими.

Третья группа объединяет «независимых» (6,1%) - опирающихся на собственные силы, знания и возможности. Именно они поддерживают индивидуалистски-либеральный вектор развития. Представителей этой группы можно рассматривать как силу, опираясь на которую возможно изменить «институциональную матрицу», и, соответственно, перестроить механизмы социальной динамики. Но «независимые» находятся в абсолютном меньшинстве.